

Убийство в соборе, Элиот Томас Стернз

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

УЧАСТВУЮТ

Хор женщин Кентербери.

Три священника.

Вестник.

Архиепископ Томас Бекет.

Четыре искусителя.

Служки.

Действие разворачивается в покоях архиепископа

2 декабря 1170 г.

Хор

Здесь остановимся, здесь, у собора, здесь обождем.

Опасность ли нас привлекла сюда, безопасностью
ль нас поманили!

Стены собора? Но что за опасность

Нас утратила бы, разнесчастных кентербериек?

Какая беда,

С нами еще не бывала? Нет нам опасности в мире,

Нет безопасности в церкви. Догадка о некоем деянии,

Нашим очам уготованном во лицезренье, - нашим
стопам

К стенам собора велела. В свидетели мы обреченны.

С тех самых пор, как золотой октябрь утонул

в унынии ноября,

Яблоки собраны и окладованы, с тех самых пор,

как земля стала бурными остроконечными кочками

смерти в просторах болотистой бездны,
С тех самых пор Новый год начал ждать,
шевелиться и ждать, и дышать, и шептать
в темноте.

Труженик скинул заляпанный грязью башмак
и ладони приблизил к огню,
А Новый год начал ждать, и свершения ждет,
исполненья ждет Божия Воля.

Кто же ладони приблизил к огню и вспомнил
святых в День Их Всех?

Праведников вспомнил и мучеников, ибо ждут
Они? Кто к огню

Льнет, отрицая Творца?

Семь лет и еще лето миновало,

Семь лет, как наш ушел архиепископ,

Наш неизменно милосердный к пастве.

Но будет скверно, если он вернется.

То правит король, а то бароны,

Мы примеряли оба ярма.

Но, по большей части, о нас забывали,

А когда о нас забывают, мы выживаем.

Мы пытаемся поддерживать домашний очаг;

Купец, осторожный до робости, ищет умеренных
выгод,

Крестьянин клонится к клочку земли, клонится

землистым ликом к земле своей невеликой

Предпочитая пребывать в незаметности.

Ныне страшусь нарушенья положенной смены

спокойных времен:

С моря нагрянет зима, все сметая дыханием смерти,

Весна сатанинская с наших дворов оборвет ворота,

Корни и стебли изложут нам очи и уши;

Лето пожаром чумы выжжет ложа потоков речных.

Лишь и останется ждать октября и паденья.

Ибо вотще ждать от летней поры утешенья

В знобкой зиме и в осенних пожарах.

Ибо вотще ждать от лета иного, чем ждать

В лысом от зноя саду очередной прохлады

октябрьской

Бедствие некое близится ныне. Мы ждем,

Ждем, ждут святые, ждут мученики, ждут святых

и замученных новых.

Ждет, в Руце Господа, Воля Его, дабы образ

привнестъ в то, что ныне без_о_бразно зыбко;

Вижу и видел я это в столбе светового луча.

Ждет, в Руце Господа, а не в руках у мужей

государства, Господняя Воля,

Те же - кто хитро, кто глупо - пытаются грядущее,

цели лелея,

Время в руках удержать и тропой своеволья пустить.

Грянь же, счастливый Декабрь, кто приметит тебя,

кто приветит?

Снова ли Сын Человека родится в помете презренья?

Нам, разнесчастливым, деяний дано и не будет,

Только в свидетели и в ожидатели мы обреченны.

Входят священники.

Первый священник

Семь лет и еще лето миновало,

Семь лет, как наш ушел архиепископ.

Второй священник

А что же поделать нашему архиепископу да

и самому Папе Римскому

С упрямым королем английским и с королем

французским,

С их бесконечными махинациями и комбинациями,

С судами и пересудами, с совещаниями

согласованными и совещаниями сорванными,

С совещаниями неоконченными или

некончающимися

То в одном, то в другом конце Франции?

Третий священник

Во власти мирской, власти временной, и нет

ничего окончательно определенного,

Кроме насилия, двуличия и постоянных

злоупотреблений!

То правит король, а то бароны

Сильный правит самовластно, а слабый

своевольно.

Нет у них другого закона, кроме как заграбастать

власть и держать ее, пока не отнимут.

Сильный опирается на алчность и похоть прочих,

Слабый упирается в собственную похоть и алчность.

Первый священник

Или же это не окончится до тех пор,

Пока бедные там, у ворот, не забудут

Друга своего на небесах. Господа нашего, не забудут,

Что у них имеется друг?

Входит вестник.

Вестник

Господни слуги, сторожи собора,

Я здесь, чтоб сообщить без отговорок,

Архиепископ в Англии и едет

В Кентербери. Я послан предупредить

Его приезд и дать вам время к встрече,

Как должно, подготовиться.

Первый священник

Закончилось изгнание? Помирились

Король с архиепископом? Гордыне

Двух гордецов конец?

Второй священник

Едва ли так.

Как наковальне с молотом смириться?

Третий священник

Но растолкуй,

Забыты ли распри прежние, упала ль

Стена гордыни? Мир или война?

Первый священник

Скажи, вернулся он,

На мощь опершись некую - иль только

На папство, на духовную узду,

На правоту и на любовь народа?

Вестник

Вы правы в некотором недоверии.

В гордыне и в печали, полон прежних притязаний,

Вернулся, вне сомненья, уповая

На ликованье паствы, поджидающее

Восторженной толпой на всем его пути,

Цветами поздними дорогу усыпаящее.

На улицах не протолкнуться будет,

И хвост архиепископовой лошади

По волоску на ладанки раздергают.

В согласие с Папой он и с королем французским,

Но наш король - совсем другое дело.

Первый священник

И все ж, война иль мир?

Вестник

Мир двух задир.

Разбитого не склеишь, так я думаю,

И думаю, что наш архиепископ

Не склонен обольщаться хоть малейшею

Из собственных претензий. Мир, я думаю,

Не положил конца и не сулит начала.

Общеизвестно, что архиепископ,

Прощаясь с королем, сказал: "Король,

Прощаюсь я с тобой как с человеком,

Которого я более не встречу".

Я слышал это из высоких уст;

Слова темны, есть много толкований,

Но ни одно покоя не сулит.

Уходит.

Первый священник

Страшусь я за него, страшусь за Церковь.

Я помню, как гордыня, порожденная

Внезапным возвышеньем, в свою очередь,

Ужасное паденье уготовила.

Любимцем короля его я помню, канцлером,

Надеждою и ужасом придворных,

Презренным, презирающим, всегда отверженным,

Всегда не ровней им, всегда в опасности,

Гордящимся своею добродетелью,

Гордящимся своею бескорыстностью,

Гордящимся своей великой щедростью,

Власть земную приявшим, но желающим

Единственно повиноваться Господу.

Будь наш король величественней или

Наш Томас мельче - все пошло б иначе.

Второй священник

И все же наш Пастырь опять сочетается

с собственной паствой.

Долго мы ждали его, с декаблями лета провожая.

Ныне возглавит он наш крестный ход против

скорби сомненья.

Скажет, что делать, подскажет, что делать,
прикажет, что делать.

С Папою он заодно, он с французским монархом
в союзе.

Мы прислонимся к стене, мы ногою нащупаем
твердую почву

На быстрине, где, как волны, сменяя друг друга,
ярятся веленья баронов.

Иль не твердыня Господня под нашей стопою?

Возблагодарим же за это:

Архиепископ вернулся. А если вернулся наш
архиепископ,

Значит, сомненьям конец. Возликуйте же все!

Я говорю "возликуйте" - и вот уже ликом ликую.

Архиепископов я человек. К нам пожалуй, наш
архиепископ!

Третий священник

Во имя добра или зла, колесо, повернись!

Было семь лет колесо неподвижно - и плохо.

Во имя добра или зла, колесо, повернись.

Ибо кто знает добра или зла окончанье?

Пока не перестанут молоты мелющие,

И не будут запирают двери на улицу,

И не замолкнут дочери пения.

Хор

Этот город ненадежен, несть пристанища нигде.

Болен век и болен ветер, больно выгоды не жди,

жди тревоги и несчастья.

Поздний, поздний, поздний век, слишком
поздний, слишком поздний и подгнивший год.

Ветер зол, и море горько, беспросветны,
беспросветны, беспросветны небеса.

Томас, повороти! Владыко, повороти! Повороти
во Францию!

Повороти. Проворно. Мирно. Позволь нам
помереть в мире.

Едешь на ликованье, едешь сквозь ликованье,
но едешь, везя погибель в Кентербери;

Погибель собору, погибель себе и погибель миру.

Мы не хотим никаких событий.

Семь лет мы прожили мирно,

Стараясь не привлекать к себе вниманья,

Прожили, как бы прожили.

Существовали угнетение и роскошь,

Сосуществовали нищета и разнузданность,

Имели место небольшие беззакония,

Но мы-то при этом жили,

Жили и как бы жили.

Бывало, у нас не оставалось хлеба,

Бывало, урожай был богат,

Один год лил дождь,

Другой наступала засуха,

Один год некуда девать яблоки,

Другой неоткуда взять сливы.

Но мы-то при этом жили
Жили и как бы жили.
Мы блюли посты и слушали мессы,
Мы варили эль и делали сидр,
Мы запасали дрова на зиму
И говорили у очага,
И говорили у перекрестка,
И говорили отнюдь не всегда шепотом,
Жили и как бы жили.
Мы наблюдали рожденья, смерти и свадьбы,
Мы затевали всевозможные скандалы,
Мы платили всевозможные подати,
Мы сплетничали и посмеивались.
Несколько девушек исчезло необъяснимо,
И еще несколько необъяснимо уцелело.
Мы всегда чего-нибудь втайне боялись,
Каждый в отдельности, - но вполне определенного.
А ныне великий страх одолел нас, не личный
страх, но всеобщий страх,
Страх, подобный рожденью и смерти, когда
наблюдаешь рождение и смерть
И лишь пустота зияет меж ними: мы
Страшимся страхом, доселе неведомым, доселе
не виданным, никому из нас не понятным,
И сердца наши исторгнуты из нас, и черепа
расшелушены, как луковицы, и самости наши
потеряны,

Потеряны в последнем страхе, не виданном
и неведомом. О архиепископ Томас,
Владыко наш, о избави нас, о верни нам жить
нашей робкой, хоронящейся жизнью, не жди нас
На погибель собора, погибель твою и погибель мира.

Архиепископ, уверенный и преисполненный
роком своим, бесстрашный промежду теней,
понимаешь ли ты, чего ждешь, понимаешь ли
ты, что сулишь

Малым своим в колее, под колесами рока, малым
своим, промеж малых живущим вещей,
Черпая в черепа малых своих, званных сюда - на
погибель собора, погибель владыки, погибель
мира?

О архиепископ Томас, избави нас, оставь нас,
оставь, вступи в мрачный Дувр и под парусом через
Пролив. Томас, наш архиепископ, останешься
нашим владыкой во Франции тоже. Томас,
наш архиепископ, стреми белый парус меж
небом седым и горючей морскою волной.

Оставь нас, во Францию через Пролив
поспешая.

Второй священник

Что за речи при таком событье!

Вздорные, нескромные болтуны!

Знаете ль, что наш архиепископ

Будет здесь с минуты на минуту?

Толпы на улицах не нарадуются, не нарадуются,
А вы расквакались, как древесные лягушки,
Но ведь лягушек можно испечь и съесть.
Какие бы тут у вас ни роились опасения,
Извольте-ка выгладеть повосторженней
И встречайте нашего доброго архиепископа ото
всей души.

Входит Томас.

Томас

Мир вам. Пусть эти не скрывают чувств.

Предчувствия их выше знанья, выше твоего
проникновения.

И знают, и не знают суть поступков и страданий.

И знают, и не знают, что поступки суть страданья,

Страданья суть поступки. Не страдает деятель,

Не действует страдалец, но единая

И вечная связь Действие - Стрaдание

Желанна, ибо выстрадана; выстрадана,

Ибо желанна; колея, которая

Есть действие, равно как и страдание,

Довлеет, дабы колесо вращалось

И вечно неподвижно оставалось.

Второй священник

Прости, владыко, твоего прибытья

Не уследил я, осерчав на женщин.

Прости нам скудость встречи долгожданной

В нежданный час. Ты ведаешь, владыко,

Что за семь лет немого ожиданья,
Семь лет молений и семь лет сиротства,
Мы лучше уготовились душою
К тебе, чем здешний город - за семь дней.
Но все ж очаг горит в твоих покоях,
Чтоб не изведаль стужи декабря
Английского скитавшийся на юге.
В своих покоях все найдешь без изменений.
Томас
И пусть оно все так и остается.
За доброту признателен безмерно,
Но хлопоты - пустое. Краткий миг в Кентербери
Отдохновенье, ведь враги не знают устали.
Мятежные епископы - Йорк, Лондон, Сальсбери
Перехватили б наши письма и усеяли
Лазутчиками берег - и навстречу мне
Послали жесточайших ненавистников.
Но, Божьей волей разгадав их помыслы,
Я письма отослал в день неназначенный,
Удачно миновал Пролив - и в Сэндвиче,
Где ждали Брок, Уоррен, Кентский Пристав,
присягнувшие
Нас обезглавить, исхитрился Сальсбери,
Предупредить, страшась монаршим именем,
Расправу надо мной, - и лишь поэтому
Я уцелел, и до поры до времени
Ничто не угрожает вам.

Первый священник

Надолго ли?

Томас

Голодный коршун

Покружит, да и сдюжит.

Поищет объясненья, извиненья, подходящего
мгновенья.

Конец окажется простым, неожиданным, богоданными

Меж тем, значением нашего первого решения

Будут тени и схватка с тенью.

Ожидание тяжелее разрешения.

Наступление события приуготовано. Будь начеку!

Входит первый искуситель.

Первый искуситель

Владыко! нет ничего бесцеремоннее,

Чем вторжение до окончания церемонии.

Тем не менее, зная ваши нынешние затруднения,

Извините за легкомысленное вторжение,

Хотя бы в знак памяти о былом.

Старого друга, надеюсь, не презираете?

Храбрец Том, наглец Том, лондонский сорванец Том?

Ваше Преосвященство, толщу времен презираете?

Дружбу - со иной, с королем, у реки, вечерком,

все втроем - не забыли?

дружба такая - кусачему Времени по зубам ли?

Теперь же, когда ту вражду избыли,

Еще далеко не вечер, хоть вы озябли,

И старое доброе времечко возвернем!
Флейты на лужке и фиалки на столе,
Смех и реки яблоневым цветом,
Пенье на ночь глядя, шепот, девку глядя,
Пламя в камине, зимы нет в помине,
Веселье, вино и великий восторг волхвования!
Ныне у вас с Его Величеством мир,
Вы рады, рад Сир, рады причт и клир,
Пенье во храме, и радость не охромела.

Томас

Те времена прошли. Я вспоминаю:

Забвения не стоят.

Искуситель

Вновь настанут!

Весна в разгар зимы. Снежок на ветках
Пойдет пушистым цветом. Лед на реках,
Как зеркало, свет солнца отразит.

Любовным соком брызнет Жизни сад,
Веселие осилит меланхолию.

Томас

Мы о грядущем знаем только то,
Что все, из поколенья в поколенья,
Идет одним и тем же чередом,
Хоть и не в пользу людям прошлый опыт.

Но в жизни человека одного
Нет ничего, что повторится дважды.

Не прирастает пуповина. Лишь

Глупец способен думать, налегая

На колесо, что крутит он его.

Искуситель

Кивка, владыко, хватит иль намека.

Мы часто любим то, что прежде гнали прочь.

Прошла пора счастливая - вернется.

Я ваш сторонник.

Томас

Не на этот раз.

Ты уповаешь не на то, что просишь.

Покайся и вернись к тому, кем послан.

Искуситель

Умерьте вашу прыть!

Коль вы бегом, другие сядут на конь!

Вы чересчур горды!

Зверь выдает себя, а не спасает рыком.

Не так велит нам поступать король,

Не так суровы к грешникам вы были,

Пока водились с ними. Проще, парень!

Кто держится скромней, скромнее тот ест.

Вот мой совет - и дружеский. Иначе

Ощиплют гусыньку и сгложут до кости.

Томас

Совет твой опоздал на двадцать лет.

Искуситель

Тогда тебе спасенья нет.

Надменностью потешься непременно,

Но знай, что за нее заломят цену.

Прощай, владыко! эту церемонию

Покину, как прервал, бесцеремонно я,

В надежде, зная ваши затруднения,

Что вы мое простите поведение.

А если б за меня вы порадели

В молитвах, я бы вспомнил вас в борделе.

Томас

Весенний призрак, дружеский советчик,

Пусть ветер унесет твои слова.

Что невозможно, тем нас искушают.

Что невозможно или нежелательно,

Слова сквозь сон, колебля мертвый мир,

Чтоб разум памятью располовинить.

Входит второй искуситель.

Второй искуситель

Ваше Преосвященство, возможно, забыли меня.

Напоминаю:

Мы встречались в Кларендоне, в Нортгемптоне

И в последний раз в Мэйне, у Монтмираи.

Теперь, припомнив эти

Не слишком приятные мгновенья, уравновесим их

Воспоминаниями о более ранних и куда более

весомых,

А именно о том, как вы были канцлером.

Вот оно, настоящее прошлое! Вы, всеми признанный

Политический гений, должны вернуться

к государственному кормилу.

Томас

Таково твое мнение?

Искуситель

Ваш отказ от места канцлера

В обмен на сан духовный был ошибкою,

По-прежнему, однако, исправимою.

Власть обретенная становится славою,

Всю жизнь не кончающейся, неотторжимым
достоянием.

И мраморным монументом во храме после кончины.

Править страною, с врагами сладя...

Томас

Божьему человеку - чего ради?

Искуситель

Внакладе

Только тот, кто ищет Господа, не ища людей.

Власть вольна вытворять великое,

А не теряться тенью среди туманных теней.

Сила - сейчас. Святость - следом, сама собою.

Томас

Чья сила?

Искуситель

Канцлера. Короля и канцлера.

Король кормится от короны. Канцлер командует
канцелярией.

В школах такого и на ушко не шепнут.

Сильных осилишь, слабых усилишь,
Господа увеселишь и восславишь.
Законы вооружишь, смутьянов обезоружишь,
Справедливостью благодарность заслужишь,
Устроишь рай на земле - и тем самым
Загладишь содеянное Адамом.

Томас

Каким образом?

Искуситель

Справедливым правлением,
Зиждущимся на заведомой зависимости.

Твоя духовная власть плодоносит плотской
погибелью.

Сила - сейчас, и да будет Царствие Его.

Томас

Царствие чье?

Искуситель

Того, Кто грядет.

Томас

В каком месяце?

Искуситель

В последнем по счету от первого.

Томас

Чем поступиться придется?

Искуситель

Притязаниями на священничество.

Томас

Во имя чего?

Искуситель

Во имя силы и славы.

Томас

Нет!

Искуситель

Да! Или храброму поломают ребра,
Заберут в тюрьму или запрут в Кентербери,
Владыку без власти, вассала безвластному Папе,
Старого оленя, обложенного легавыми.

Томас

Нет!

Искуситель

Да! Честный человек изворачивается.
Монарху,
Ведущему войну вдалеке, надобен друг дома,
Подобная политика постепенно приносит пользу,
Решимость рядится в рядно рассудительности.

Томас

А епископы,
Которых я отлучил от Церкви?

Искуситель

Нестерпимая ненависть
Обернется обоюдным согласием.

Томас

А как же бароны? Они не простят
Ущемления малейшей из привилегий?

Искуситель

Не баронам бороться

С крепким королем, с крепким крестьянином,
с крепким канцлером.

Томас

Нет! мне ль, хранителю ключей

Небес и бездны и главе всей Англии,

Пастырю здешней паствы, посланному Папой,

Мне ль вожделеть, мельчая, меньшей власти?

Деяния в Доме Духа - достойное меня дело,

Кара королям, а не карабканье в кругу их клеветов

Вот мой удел. Нет! Прочь!

Искуситель

Тогда тебе спасенья нет.

Твои грехи высоки, но королевские соколы
летают выше.

Томас

Мирская власть, стремясь улучшить мир,

Порядка не внесет в миропорядок.

Те, что мечтали в мир внести порядок,

Господнего порядка не познав,

В неведение ничтожа непорядки,

Примнившиеся им, приумножали

И без того бесчисленные бедствия.

Я - с королем? Но я был - Королем!

Его рукой, его душой и мыслью.

Я вел вас, влек, как мне велел восторг.

Почет прошел; прочь, пошлое паденье?!

Входит третий искуситель.

Третий искуситель

Нежданным я пришел сюда.

Томас

Отнюдь.

Искуситель

В нежданный час, да и с нежданной целью.

Томас

Ничто не удивит нас.

Искуситель

Что ж, владыко,

Я не искусник в путаных речах,

Не льщу, не лгу и при дворе не терся,

Не строю козней, не плету интриг;

Я знаю лошадей, собак и девок,

Да знаю, как вести свое хозяйство,

Так чтоб в поместье голод не настал.

Я на земле сижу и знаю землю,

И знаю, в чем нуждается земля,

Ведь чья земля, того о ней забота.

Я и друзья мои не кровососы

Вкруг короля, а позвоночник нации.

Прости мне прямоту мою, владыко,

Я прям и прост, как Англия моя.

Томас

Давай-ка напрямик.

Искуситель

Все очень просто.

Живучесть дружбы не друзьям подвластна,

А силе обстоятельств. Обстоятельства

Отнюдь не беспричинно обусловлены...

Неискренняя дружба станет искренней

(Уж так бывало), но скорей вражда

Союзничеством верным обернется,

Чем искренняя дружба, раз окончившись,

Возобновится.

Томас

Сидя на земле,

Ты говоришь темно, велеречиво,

Как будто ты придворный.

Искуситель

Говорю

Уж проще некуда! Король тебя предаст.

Напрасную надежду на согласие

Питаешь ты. Останешься один

Вот в чем ошибка.

Томас

Мой король!

Искуситель

Другие,

Лишь поищи, отыщутся друзья.

Заметь, монарх английский не всемогущ.

Во Франции он, ссорится в Анжу,

И окружен голодными сынками.

Мы англичане, здесь мы и живем.

Ты, мой владыка, как и я, - норманн.

Вся Англия созд_а_нна для норманна

Нормально это. Пусть Анжуйский род

В Анжу друг дружке глотки раздерет.

Английские бароны против трона,

А мы - народ.

Томас

К чему все это приведет?

Искуситель

В счастливом сочетании взаимных

Разумных интересов...

Томас

Но зачем,

Коль послан ты баронами...

Искуситель

Я послан

Могущественной партией, которой

Нужна сейчас... Баронами, а как же!..

Нужна поддержка Церкви, нужен Папа,

Благословенье нужно на борьбу

За общую свободу. Ты, владыко,

Встав с нами в ряд, за Англию и Рим

Сыграешь восхитительным дуплетом,

Тирановластью положив конец,

Освобождая Церковь и баронов

От гнета королевского суда.

Томас

От мною же навязанного гнета.

Искуситель

Тем более. Никто не попрекнет.

Кто старое помянет, тот протянет ноги.

Союз родится под счастливою звездой.

Томас

Но если королю вверяться бесполезно,

Как верить тем, кто короля толкает в бездну?

Искуситель

Король не терпит сильных возле трона,

Поэтому и месть незаконна.

Томас

Но если кесарю вверяться бесполезно,

То остается верить в рай небесный.

Я был когда-то канцлером, и вроде

Тебя людишки там толклись при входе.

Для короля и для страны немало

Свершил я среди всеобщего развала.

Неужто ж мне, орлу из облаков,

Спуститься к вам, стать волком меж волков?

Молчите, ваше низкоблагородье.

Владыка не изменник королю.

Искуситель

Все, все, я больше не толкусь при входе.

Полгода как-нибудь перетерплю,

А там король воздаст тебе сторицей.

Томас

Разрушить дом, тобою возведенный,

Есть проявленье мощи обреченной.

Пусть такова была судьба Самсона,

Но если рушить - рушить одному.

Входит четвертый искуситель.

Четвертый искуситель

Ты, Томас, тверд, как добрая кольчуга.

Но, всех прогнав, во мне обрящешь друга.

Томас

Кто ты?

Я ждал троих, не четверых.

Искуситель

Ну, где найдется место для троих...

Когда б ты ждал, я был бы здесь заранее.

Но я опережаю ожидания.

Томас

Так кто ж ты?

Искуситель

Коль незнаком я, имя ни к чему,

А коль известен - прибыл потому.

Знаком тебе я, правда, не в лицо.

Все не судьба, но вот, в конце концов...

Томас

Скажи, зачем пришел.

Искуситель

Не премину.

На прошлое не клюнул, на блесну,

О будущем подумай. Короля

Настоянная ненависть гнетет.

Того, кто другом был и стал врагом,

Он никогда в друзья не возвратит.

Старайся услужить ему, спеши

Вручить все, чем владеешь, - он возьмет.

Он оберет до нитки власть твою,

Ловушечный приберегая ход

В ответ. Что до баронов, зависть их

Выносливей, чем королевский гнев.

Ему давай страну, им - барыши,

Не терпят на дух вражеский доход.

Бароны хороши против баронов,

Но не они порушат короля.

Томас

И твой совет?

Искуситель

Иди всегда вперед.

Все прочие заказаны пути,

Кроме того, что избран, - и давно.

Да и к чему тебе мирская власть

Хоть короля, хоть канцлера, - интриги

И козни, суета поддельных дел,

В сравненье с истинной, духовной мощью!

Греховен человек с времен Адама,

И лишь тебе дан ключ вселенской драмы:

Власть - повязать иль отпустить; вяжи

Своею властью власть других упрямо.

Король, барон, епископ, вновь король,

Расплывчатая мощь рассыпавшихся армий,

Война; чума; восстанье; череда

Измен и столь же низменных союзов;

То снизу вверх, то сверху вниз - все вмиг,

Вот властолюбья истинный язык.

Старый король, жуя беззубым ртом,

В свой смертный час подумает о том

Ни сына, ни империи. Ты, Томас,

Нить смерти вьешь, нить вечности. Свята

Власть эта, коль удержишь.

Томас

Власть святая?

Верховная?

Искуситель

Почти.

Томас

Не понимаю.

Искуситель

Не мне оттенок этот уточнять.

Я говорю лишь то, что сам ты должен знать.

Томас

Надолго ли?

Искуситель

Не спрашивай о том, что знаешь сам.

Подумай, Томас, о посмертной славе.

Король умрет, придет другой король

И все переиначит королевство.

Король забыт людьми, едва почил,

Лишь мученики правят из могил;

Мучители стыдятся и бегут

Расплаты, ибо Время правит суд.

Подумай о паломниках, рядами

Простертых ниц пред скромными камнями,

Подумай о коленопреклоненье,

Живом из поколенья в поколенья,

О чудесах Господних поразмысли

И стан своих завистников исчисли.

Томас

Об этом размышлял я.

Искуситель

Вот поэтому

Всевластен разум, коль явился свет ему.

Ты ведь уже размышлял - и во время молений,

И на крутом подъеме дворцовых ступеней,

И между сном и бодрствованием, в ранний час,

Пока птички пели, ты размышлял обо всем

без прикрас.

Ведь ничто не вечно - один оборот колеса,

И гнездо разграблено - ни яйца, ни птенца;

В амбарах ни зернышка, цвет злата потух,

Драгоценности рассверкались на груди у шлюх,
Святылище взломано, и накопленное веками
Растащено девками и временщиками.
Нет, чуда не будет, - твои апостолы
Вмиг позабудут твои эпистолы;
Потом только хуже: станет лень им
Славить тебя иль сводить к преступленьям
Жизнь твою, - и только историк неугомонный
Скрупулезно перечислит твои изъяны
И, приведя фактических доказательств великое
множество,
Заявит: все просто. Нами в очередной раз правило
ничтожество.
Томас
Но если нет достойного венца,
За что тогда сражаться до конца?
Искуситель
Вот-вот, и это нужно взять в расчет.
Святые - кто сравнится славой с ними,
Обставшими навеки Божий трон?
Какая власть земная, лесть земная
Убогой не предстанет в тот же миг,
Как мы ее сравним с блаженством рая?
Путь мученика - вот твоя стезя.
Ничтожный здесь, внизу, - высок на небе.
И, в бездну глядя, видит он своих
Мучителей в вихревороте скорби,

В мученьях адских вечность напролет.

Томас

Нет!

Кто ты такой, зачем ты искушаешь

Меня моим желаньем тайным? Те

Сулили славу, власть и вожделенья

Земные блага. Что сулишь, что просишь?

Искуситель

Лишь то сулю, чего ты хочешь сам.

Прошу лишь то, что можешь дать. Чрезмерна ль

За грезу величавую цена?

Томас

Те предлагали то, что можно взять.

Не хочется, но можно. Ты, напротив,

Сулишь мне сны.

Искуситель

Ты знаешь эти сны.

Томас

Проклятие гордыни - как его

Мне избежать в такой душевной смуте?

Я знаю: искушение твое

Сулит мне здесь тщету и там мученья.

Как грешную гордыню обороть

Гордынею еще греховней? Не страдать,

не действовать

И муки вечной избежать - возможно ли?

Искуситель

Ты знаешь и не знаешь суть поступков и страданий.

Ты знаешь и не знаешь, что поступки суть

страданья,

Страданья суть поступки. Не страдает деятель,

Не действует страдалец, но единая

И вечная связь Действие - Страдание

Желанна, ибо выстрадана; выстрадана,

Ибо желанна; колея, которая

Довлеет, дабы колесо вращалось

И вечно неподвижно оставалось.

Хор

Нет покоя дома. На улице нет покоя.

Слышу, спешат толпою. Воздух тяжел и густ.

Тяжелы и густы небеса. И земля гудит под ногою.

Что за чад, что за смрад повсюду? Темный

зеленый свет из тучи, на дереве высохшем

опочившей? Из земли хлынули плодные

воды яда. Что за роса выступает,

смердя, у меня на запястьях?

Искусители

(вчетвером)

Жизнь человека - обман и разочарование.

Вещи вокруг - подделки,

Подделки или разочарование:

Русские горы и искусные актеры,

Призы в детской викторине

И виктории призовых поэтов,

Ученая степень и государственная должность.

Все подделано, и человек подделывается

Под дела, оборачивающиеся подделкой.

Вот человек упрямый, слепой, одержимый

Идеей саморазрушения,

Минующий мошенничество за мошенничеством,

Ступенями восхождения вплоть до финального

зablуждения,

Очарованный собственным великолепием,

Враг обществу, враг самому себе.

Священники

(втроем)

О, Томас, утихни, оставь воевать стихии.

Ветрила от ветра храни; разорвутся; мы в бурю

Ждем, пока волны уймутся, полдневной лазури

ждем ночью,

Чтобы найти те пути, по которым доплыть и дойти

Можно, не ждем ли, куда светило изволит взойти?

Хор, священники и искусители

(попеременно)

Х: Это сова закричала иль знак меж ветвей подают?

С: Окна закрыты ли и заперты ли ворота?

И: Дождь ли стучится в окно или ветер ревет

у ворот?

Х: Факел ли в зале горит и свеча ли чуть теплится

в келье?

С: Стражник ли встал у стены?

И: Или пес отгоняет бродяг?

Х: Сотнями рук машет смерть, подбираясь
по тысяче тропок.

С: Может у всех на виду, может тайно,
невидно-неслышно, прийти.

И: Может шепнуть на ушко или молнией в черепе
чиркнуть.

Х: Можешь пойти с фонарем и свалиться
в отхожий канал.

С: Можешь, взбираясь по лестнице, встать
на худую ступеньку.

И: Можешь, вкушая от яств, ощущать в животе
пустоту.

Хор

Мы не были счастливы, Господи, не были
слишком счастливы.

Мы не вздорные болтуны, мы знаем, чего нам
ждать и чего не ждать.

Мы знаем унижения и мучения,

Мы знаем надругательства и насилия,

Беззакония и чуму,

Старика без очага зимою

И детей без молока летом,

Плоды трудов наших, отринутые у нас,

И тяжесть грехов наших, низринутую на нас.

Мы видели смерть молодого мельника

И горе девы, распростертой над потоком.

И все же, на наш взгляд, мы при этом жили,
Жили и как бы жили,
Собирая развеянное по ветру,
Собирая хворост,
Сооружая крошечный кров
Для сна, и еды, и питья, и веселья.
Бог никогда не жалел нам надежды, какого-то
смысла, но ныне нас жжет новый ужас, великий,
вселенский, ни спрятаться, ни отвратить, он течет
под ногами и в небе,
Под дверь натекает и по дымоходу, струится нам
в уши, и в рот, и в глаза.
Бог оставляет нас. Бог оставляет нас, больше
безумья и боли, чем смерть и рождение.
Сладкий и сытный, висит на дремучем ветру
Запах отчаянья;
Все на дремучем ветру вдруг становится зримо:
Мяуканье леопарда, косолапая поступь медведя,
Ведьмины пляски орангутана, голос гиены, ждущей
Веселья, веселья, веселья. Явились Князь
Преисподней сегодня.
Пляшут вокруг нас и лежат возле нас, бьются
и вьются, висят на дремучем ветру.
Архиепископ наш, Томас, спаси нас, спаси нас,
спаси хоть себя - и мы будем тогда спасены.
Иль погуби себя, зная, что все мы погибнуть
должны.

Томас

Теперь мой ясен путь и суть его проста

И дверь для искушений заперта.

Последнее звучало всех подлее:

Творить добро, дурную цель лелея.

Избыток сил в ничтожных прегрешеньях

Лишь на начальных чувствуем ступенях.

Уж тридцать лет тому, как я познал

Пути блаженств, успехов и похвал.

Вкус плоти, вкус ученья, любознательства,

Искусств и знаний пестрое хозяйство,

Как соловей поет, сирень как пахнет,

Уменье фехтовать и разуменье шахмат,

Любовь в саду и пение под лютню

Равно желанны в юности. Но вот

Иссякнет пыл - нет ничего минутней

И в скудости своей Тщеславие встает.

Не все доступно - так оно речет.

Дея добро, грешишь. Когда я ввел

Закон монаршей властью и повел

Войну против французов, я побил баронов

В их собственной игре. И я презрел

Знать грубую с приманками ее,

С повадками под стать ногтям нечистым.

Пока мы пировали с королем,

Я знать не знал, что к Богу я влеком.

Но тот, кто служит королю, не может

Грешить и плакать, как служитель Божий.
Ибо чем выше дело, которому служишь,
тем вернее оно служит тебе,
Пока ты служишь ему, а борьба с политиканами
Сводит все дело к политике: не потому, что они
не правы;
А потому, что они политиканы. Увы,
То, что вам осталось досмотреть из моей жизни,
Покажется приглашением к собственной казни,
Нелепым самоуничтожением лунатика,
Богоугодным самосожжением фанатика.
Я знаю, что история извлечет впоследствии
Из ничтожнейшей причины серьезнейшие следствия.
Но за каждый грех, за любое святотатство,
Преступление, оскорбление, унижение
и бесстыдство,
Угнетение, равнодушие и прочее - вы все
Должны быть наказаны. Все. Все.
Ни страдать, ни действовать не собираюсь отныне
под острием меча.
Ныне, мой добрый Ангел, порукой от палачей
Господом посланный мне, взмой. Ангел мой,
над остриями мечей.

МЕЖДУДЕЙСТВИЕ

АРХИЕПИСКОП ПРОИЗНОСИТ ПРОПОВЕДЬ В РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО 1170 г.

"Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение". Четырнадцатый стих второй главы Евангелия от св. Луки. Во Имя Отца, и Сына, и Духа Святаго. Аминь.

Возлюбленные чада Господни, проповедь моя в это рождественское утро будет недолгой.

Мне хочется только, чтобы вы поразмыслили в сердцах ваших о глубоком значении и таинстве нашей рождественской мессы. Ибо, когда бы мы ни служили мессу, мы неизменно возвращаемся к Страстям Господним и к Смерти на Кресте, сегодня же мы делаем это в День Рождества Христова. Так что нам надлежит одновременно возрадоваться Его приходу в мир во спасение наше и вернуть Господу в жертву Плоть Его и Кровь, воздаяние и ответ за грехи всего мира. Как раз нынешней ночью, только что закончившейся, предстало неисчислимое воинство небесное перед вифлеемскими пастухами, говоря им: "Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение". Как раз в эти, из всего года, дни празднуем мы и Рождество Христово, и Его Страсти и Смерть на Кресте. Возлюбленные чада, мир не устает удивляться этому. Ибо кто же на свете станет плакать и ликовать одновременно и по одной и той же причине? Ибо или радость будет вытеснена горем, или же горе уступит место радости и ликованию. Ибо только в Христианском Таинстве нашем можем мы плакать и ликовать одновременно и по одной и той же причине. Теперь задумайтесь на мгновение над значением слова "мир". Не удивляет ли вас, что Ангелы провозвестили мир, тогда как вся земля была объята войной или страхом перед войной? Не кажется ли вам, что посулы ангельские были ошибочны, неисполнимы и ложны?

Вспомните теперь, как сам Господь наш говорил о мире. Он молвил ученикам своим: "Мир оставляю вам, мир мой даю вам". Но думал ли Он о мире, как мы его понимаем сейчас, - королевство Англия в мире со своими соседями, бароны в мире с королем, человек мирно считает в доме свою мирную прибыль, очаг разожжен, лучшее вино выставлено на стол, чтобы угостить друга, жена поет колыбельную детям? Тем, кто стал Его учениками, суждено было иное: им предстояло идти далеко по свету, испытывать бедствия на земле и на море, претерпевать боль, пытки, тюремное заключение, разочарования и, наконец, мученическую гибель. Что же имел Он в виду? Если вопрос этот беспокоит вас, вспомните и другие слова Его: "Не так, как мир дает, я даю вам". Так что Он дал своим ученикам мир, но не тот, который дает наш мир.

Подумайте еще и о том, о чем, должно быть, не задумывались ни разу. Не только Рождество Христа во и Смерть на Кресте празднуем мы в эти дни, но уже завтра грядет День Первого Великомученики св. Стефана. Полагаете ли вы случайным то обстоятельство, что День Первого Великомученика следует сразу же за Днем Рождества Христова? Ни в коей мере. Точно так же, как плачем мы и ликуем одновременно по причине Рождества Христова и Страстей Господних, точно так же, лишь в приуменьшенном виде, оплакиваем мы и славим великомучеников. Мы оплакиваем грехи мира, замучившие их, мы ликуем оттого, что еще одна душа сопричислена к святым на Небесах, во слову Господа и во спасение человека.

Возлюбленные чада, не должно думать нам о великомучениках как о всего лишь хороших христианах, убитых за то, что они были хорошими христианами, иначе бы нам оставалось только плакать о них. Не должно думать как о всего лишь хорошем христианине о том, кто возвысился до сонма святых, иначе нам оставалось бы только ликовать. Но ведь и плач наш, и ликование наше не от мира сего. В христианском великомученичестве никогда нет ничего случайного, ибо святыми становятся не волею случая. Тем менее достигается великомученичество усилиями человеческой решимости стать святым - и ложно было бы это сравнивать с человеческой решимостью и борьбой за то, чтобы стать правителем над людьми. Мученичество есть всегда промысел Божий, из Любви Его, предостережение людям и урок им, дабы вернулись они на правильный путь. Мученичество никогда не бывает во исполнение умысла человеческого, ибо истинный мученик тот, кто стал орудием в Руце Божьей, кто смирил свою волю пред Волей Божьей и ничего для себя самого не желает - даже славы великомученической. И точно так же, как на земле Церковь плачет и ликует одновременно, так на Небесах святые истинно высоки, поставив себя ниже всех, и

видны не так, как мы их видим, но в свете Божества, от которого черпают они свое существование.

Возлюбленные чада Господни, я говорил вам сегодня о великомучениках минувших дней, дабы вы вспомнили и о нашем, кентерберийском великомученике, св. архиепископе Эльфеге, ибо уместно в День Рождества Христова вспомнить, каков Мир, дарованный Им, и еще потому, что, возможно, недолгое время спустя у вас появится еще один великомученик и, возможно, еще не последний. Я прошу вас удержать слова мои в сердцах ваших и вспомнить их в должный срок. Во Имя Отца, и Сына, и Духа Святого. Аминь.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

УЧАСТВУЮТ

Три священника.

Четыре рыцаря.

Архиепископ Томас Бекет.

Хор женщин Кентербери.

Служки.

Действие разворачивается: в первой картине - в покоях

архиепископа, во второй - в соборе.

Время действия 29 декабря 1170 г.

Хор

Птица ль на юге поет?

Только чаячьи крики, на берег гонимые бурей.

Что за приметы весны?

Скорая смерть стариков, а не всходы, движенье,

дыханье,

Дни стали, что ли, длинней?

Дни длинней и темней, ночь короче и холоднее.

Воздух удавленно сперт, а ветров вороха - на востоке.

Во поле враны торчат, голодая, всегда начеку, а в лесу

Пробуют совы пустотную песенку смерти.

Что за приметы весны?

Лишь ветр_о_в ворох_а_ на востоке.

Что за смятенье в священные дни Рождества?

Где благодать, где любовь, где покой и согласие?

Мир на земле есть всегда нечто зыбкое, ежели

с Богом нет мира.

Мир оскверняет война, а святит только смерть

во Христе.

Мир надо чистить зимой, не то ждут нас опять

Грязь по весне, пламя летних пожаров

и безурожайная осень.

Меж Рождеством и Страстной много ль дел

на земле?

В марте оратай очнется, о той же землице радея,

Что и всегда; ту же песню щеглы заведут.

В пору, когда лопнут почки, когда бузина

и боярышник брызнут,

К водам клонясь, когда воздух светлив и высок,

Речи у окон певучи и дети резвы у ограды.

Что за дела будут сделаны к этому сроку, какие

злодейства

В пении птичьем потонут, в зеленой листве,

о, какие злодейства

В памяти пашни потонут? Мы ждем, ждать

недолго,

Но долго само ожиданье.

Входит первый священник. Перед ним выносят хоругвь св. Стефана. (Строки,

выделенные далее курсивом, не произносятся, а поются.)

Первый священник

Следует за Рождеством День св. Стефана, Первого
Великомученика.

Князья сидели и сговаривались против меня,
лжесвидетельствуя.

День, наипаче угодный для нашего Томаса сыздавна.

Он на колени встает и взывает, моля, к небесам:

Боже, прости им грехи их.

Князья сидели и сговаривались.

Слышна входная св. Стефана. Входит второй священник.

Перед ним выносят хоругвь св. Иоанна Евангелиста.

Второй священник

Следует за Днем св. Стефана День Иоанна Апостола.

Посреди собрания уста он отверз.

Сущее изначально, открытое нашему слуху,

Нашему зрению доступное, в наших руках

сбереженное

Слово, открытое слуху, доступное зренью,

Твердим за тобою вослед.

Посреди собрания.

Слышна входная св. Иоанна. Входит третий священник.

Перед ним выносят хоругвь невинных мучеников.

Третий священник

Следует за Днем св. Иоанна День Невинных

Мучеников.

Из уст младенцев, о Господи!

Как голоса ручейков, или арф, или грома, - поют

Песню как будто впервые.

Кровью святых истекли они, словно водой.

Без погребенья уснувшие. Боже, воздай же,

Крови святой не оставь неотмщенной. Се голос,

се плач.

Из уст младенцев, о Господи!

Священники стоят вместе перед хоругвями.

Первый священник

А после этого дня, на четвертый день за Рождеством.

Втроем

Ликуем и славим.

Первый священник

В жертву приносит себя за народ, за себя, за грехи.

Пастырь за паству.

Втроем

Ликуем и славим.

Первый священник

Сегодня - ликуем и славим?

Второй священник

А что за день сегодня? Уж половина прошла сего дня.

Первый священник

А что за день сегодня? День как день, сумрак года.

Второй священник

А что за день сегодня? Ночь как ночь, рассвет как
рассвет.

Третий священник

Знать бы тот день, на какой уповать иль какого

страшиться.

Ибо на каждый должны уповать и любого

страшиться. Мгновенья

Поровну весят. И лишь избирательно, задним числом,

Мы говорим: то был день. Ведь решающий час

Здесь, и сейчас, и всегда. И сейчас,

в отвратительном облике,

Может нам вечность явиться.

Входят четверо рыцарей. Хоругви исчезли.

Первый рыцарь

Солдаты короля.

Первый священник

Мы вас узнали.

Добро пожаловать. Далеко ли был ваш путь?

Первый рыцарь

Сегодня нет; но срочные дела

Из Франции призвали нас. Мы мчались,

Вчера пересекли Пролив, сошли на берег ночью.

Нам требуется ваш архиепископ.

Второй рыцарь

И срочно.

Третий рыцарь

По приказу короля.

Второй рыцарь

По делу короля.

Первый рыцарь

Снаружи войско.

Первый священник

Вам ведомо гостеприимство Томаса.

Час трапезы настал. Архиепископ наш

Нам не простит дурного обращения

С высокими гостями. Отобедайте

У нас и с ними прежде всяких дел.

Мы о солдатах также позаботимся.

Обед, потом дела. У нас копченый окорок.

Первый рыцарь

Дела, потом обед. Мы закоптим ваш окорок,

А после отобедаем.

Второй рыцарь

Нам надо повидать архиепископа.

Третий рыцарь

Скажите же ему,

Что мы в гостеприимстве не нуждаемся.

Обед себе найдем.

Первый священник

(службе)

Ступайте же к нему.

Четвертый рыцарь

И долго ль ждать?

Входит Томас.

Томас

(священникам)

Как ни бесспорны наши ожидания,

Предсказанное грянет неожиданно

И в неурочный час. Придет, когда

Мы заняты делами высшей срочности.

Найдете на моем столе

Бумаги все в порядке и подписанными.

(Рыцарям.)

Добро пожаловать, за чем бы ни пришли.

Так вы от короля?

Первый рыцарь

Ты сомневаешься?

Не нужно лишних глаз.

Томас

(священникам)

Оставьте нас.

Так в чем же дело?

Первый рыцарь

Вот такое дело.

Трое остальных

Ты, архиепископ, восстал на короля; восстал
на короля и попрал законы страны.

Ты, архиепископ, назначен королем; назначен
королем, чтобы ты выполнял его повеления.

Ты его слуга, его ключ, его отмычка.

Ты сам по себе птичка-невеличка.

Ты осыпан его милостями, от него у тебя власть,
перстень и печати

Сын купчишки, так ли изволишь себя теперь
величать!

Королевское порождение, королевское измышление,
кровью чужой и гордыней своей упившийся тать.

Из лондонской грязи да в князи за здорово живешь!

Упивающаяся собственным великолепием вошь!

Королю надоели твои козни, интриги,
клятвопреступления и ложь!

Томас

Это клевета.

И до, и после посвящения в сан

Я оставался верен королю англичан.

Со всею властью, какую он мне даровал,

Я его верноподданный вассал.

Первый рыцарь

Со всею властью! Велика ли твоя власть,

Скоро мы поразведем всласть.

Верноподданный всегда и поныне

Лишь своей подлости, злобе и гордыне.

Второй рыцарь

Верный своей жадности и сатанинской злобе.

Не помолиться ли нам за тебя, твое преподобье?

Третий рыцарь

Помолимся за тебя!

Первый рыцарь

Помолимся за тебя!

Втроем

Тебя погубя, мы помолимся за тебя!

Томас

Следует ли так понимать, господа,
Что ваше срочное дело заключается
Лишь в оскорблениях и клевете?

Первый рыцарь

Это всего лишь

Выражение нашего законного
верноподданнического гнева.

Томас

Верноподданнического? По отношению к кому же?

Первый рыцарь

К королю!

Второй рыцарь

К королю!

Третий рыцарь

К королю!

Втроем

Да здравствует король!

Томас

Смотрите, как бы не выела моль
Ваше новое платье "Да здравствует король".

У вас еще что-нибудь?

Первый рыцарь

Именем короля!

Сказать сейчас?

Второй рыцарь

А для чего мы гнались?

Глянь, как петляет старый лис!

Томас

То, что сказать вы взялись,

Именем короля - если и вправду именем короля,

Следует объявить принародно. Если у вас имеются обвинения,

То я их принародно и опровергну.

Первый рыцарь

Нет, здесь и сейчас!

Пытаются напасть на него, но священники

и служки возвращаются и безмолвно преграждают им путь.

Томас

Сейчас и здесь!

Первый рыцарь

О прежних твоих злодействах и говорить нечего,

Они общеизвестны. Но когда доверчиво

Прощенный, возвращенный, возведенный

в прежний сан,

Ты оказался у родных осин,

Какова была твоя благодарность? Добровольный изгнанник,

Ибо никто тебя не высылал, не принуждал,

Злоумышленник и изменник,

Короля французского ты толкал

К ссоре с нашим, и Папа пленником

Твоих гнусных наветов стал.

Второй рыцарь

И все же наш король, исполненный милосердия,
Уступая искательному усердию

Твоих радетелей, затянувшуюся тяжбу

Прервал, вернув тебе высочайшую дружбу.

Третий рыцарь

И память об измене твоей навсегда погребая,

Вновь сделал тебя архиепископом нашего края.

Прощенный, возвращенный, возведенный

в прежний сан.

Где ж твоя благодарность, неверный куртизан?

Первый рыцарь

В клевете на тех, кто за молодого принца?

В отрицании законности коронации?

Второй рыцарь

В шантаже анафемой?

Третий рыцарь

Постоянную подлость возвел ты в принцип.

Интригуя против всех, кто в отсутствие короля,

Но во благо ему печется о нации.

Первый рыцарь

Факты, увы, таковы.

Отвечай, как бы ты ответил

Самому королю. Ведь мы посланы и за этим.

Томас

Никогда я не интриговал

Против принца, его покорный вассал.

Власть его что. Но зачем отослал

Он моих ближних, зачем он меня самого
В Кентербери заточил одного?
И все же я желаю ему одного:
Тройного венца, трех держав три короны.
А что касается епископов отлученных,
Пусть едут к Папе. Он их отлучил, а не я.
Первый рыцарь
По твоему наущению.
Второй рыцарь
Работа твоя.
Третий рыцарь
Их возврати.
Первый рыцарь
Возврати их.
Томас
Я не отрицаю,
Что споспешествовал этому. Но никогда я
Папских велений, тем паче проклятий не вправе
менять.
Пусть едут к Папе, он властен прощать
Умыслы против меня, против Церкви святой.
Первый рыцарь
Так иль не так. Королевский Указ:
Вон из страны и прочь с наших глаз.
Томас
Если Указ Королевский таков,
Я вам отвечаю: семь лет мое стадо

Было без пастыря пищей волков.

Море легло между нами преградой.

Я вам отвечу: семь лет на чужбине

Я претерпеть еще раз не готов.

Я вам отвечу: такого отныне

Вы не дождетесь во веки веков.

Первый рыцарь

В ответ на высочайшее повеленье

Ты нанес величайшее оскорбленье;

Безумец, которому ничто не препятствует

Воевать даже с собственной паствой.

Томас

Не я нанес оскорбленье королю

И не о его милосердии молю.

И не на меня, не на Томаса Бекета с окраины,

Вы, как гончие псы, натравлены.

Закон Христианства и Право Рима

Вот к чему вы столь нетерпимы.

Первый рыцарь

Жизнью своей ты, однако, не дорожишь.

Второй рыцарь

На лезвии ножа ты, однако, задрожешь.

Третий рыцарь

Однако только предатели говорят так смело.

Втроем

Однако! Изменник, в измене своей закоснелый!

Томас

Власти Рима себя вверяю,

Если ж убьете меня, то, знаю,

Власти Господа вверен буду.

Четвертый рыцарь

Эй, Божье воинство, повяжи иуду!

Выдайте, именем короля, смутьяна.

Первый рыцарь

Или же сами падете бездыханны.

Второй рыцарь

Будет болтать.

Вчетвером

Меч королевский пора достать.

(Уходят.)

Хор

Вот они, вестники смерти; чувства обострены

Тонким предчувствием; я услышал

Пенье ночное и сов, я увидел в полдень

Крылья перепончатые пластают, громоздкие

и смехотворные. Я ощутил вкус

Падали в ложку своей. Я почуял

Дрожь земли в сумерках, странную, постоянную.

Я услышал

Смех, примешавшийся к визгу звериному, визг

пополам со смехом: шакала оскал и осла

и галдение галки, и тарабарщину мыши

и табаргана, и гогот гагары-сомнамбулы.

Я увидел

Серые выи дрожащими, крысьи хвосты
мельтешащими в духоте зари. Я вкуси!
Скользкую живность, еще не уснувшую,
с сильным соленым привкусом твари подводной;
я ощутил вкус
Краба, омара и устриц, медуз и креветок
и лопаются живыми во чреве, и чрево лопнуло
на заре; я почуял
Смерть в белых розах, смерть в примулах, смерть
в колокольчиках и гиацинтах; я увидел
Тулово и рога, хвост и зубы не там, где всегда;
В бездну морскую возлег я, вдыхая дыханье
морских анемонов, взасос пожираемых губкой.
Возлег я во прах и взглянул на червя.
В небесах
С коршуном вкупе пронесся. Позверствовал
с коршуном и подрожал с воробьем. Я почуял
Рожки жука-навозника, чешую гадюки, быструю,
твердую и бесчувственную кожу слона, скользкие
рыбьи бока. Я почуял
Гниль на тарелке, и ладан в клоаке, клоаку
в кадилънице, запах медового мыла на тропах
лесных, адский запах медового мыла на
тропах лесных, в шевеленье земли.
Я увидел
Светлые кр_у_ги, летящие долу, к смятенью
Горилл нисходя. Мне ль не знать, мне ль не знать,

Чт_о_ наступить собиралось? Ведь было повсюду:

на кухне, в передней,

В клетях, в амбарах, в яслях и в торговых рядах,

В наших сердцах, животах, черепах в той же мере,

Как в злоумышленнях могучих,

Как в хитросплетениях властных.

Все ведь, что выпряли Парки,

И все, что сшустрили князя.

В наших мозгах, в наших венах нарядено,

Исшустрено колеей шелкопряда,

Вгрызлось в печенки всем женщинам Кентербери.

Вот они, вестники смерти; теперь слишком поздно

Сопротивляться - я каяться рано еще.

Ничто не возможно, кроме постыдного обморока

Согласившихся на последнее унижение.

Я согласился, растоптанный, изнасилованный,

Вовлеченный в духовную плоть природы,

Укрощенный животною силой духа,

Обуянный жаждой самоуничтожения,

Окончательной и бесповоротной смертью духа,

Окончательным оргазмом опустошения и позора.

Архиепископ, владыка наш Томас, прости нас,

прости нас, молись за нас, чтобы мы могли

тебя помолиться из глуби стыда.

Входит Томас.

Томас

Мир вам, мир вашим помыслам и страхам.

Все так и будет, и со всем смиритесь.
То ваша часть всеобщей ноши, ваша
Часть вечной славы. Таково мгновенье,
Но будет и другое - и оно
Пронзит вас жгучим и неожиданным счастьем,
Всю мощь Господня Промысла явив.
Вы все забудете в заботах по хозяйству,
Все вспомните потом у очага,
Когда забывчивость и старость подсластят
И возвращающимся сном представят память,
Перевернутым во многих пересказах. Сном,
неправдой.
Избытка правды не перенести.
Входят священники.
Священники
(вразнобой)
Владыко, здесь нельзя оставаться. Они возвратятся.
Вперед. Через черный ход. Вернутся с оружием.
Мы не сдюжим. Скорее в алтарь.
Томас
Всю жизнь они шли за мною, всю жизнь. Всю
жизнь я их ждал. Смерть придет за мной
не раньше, чем я буду достоин. А если
я достоин, то чего же бояться.
Я здесь только для того, чтобы объявить мою
последнюю волю.
Священники

Владыко, они приближаются. Они вот-вот будут
здесь.

Тебя убьют. Поспеши к алтарю.

Поспеши, владыко. Не трать времени на разговоры.

Так нельзя.

Что с нами будет, владыко, если тебя убьют, что
с нами будет?

Томас

Мир вам! Успокойтесь! Вспомните, где вы и что
происходит.

Никого не намереваются лишать жизни, кроме меня.

Я не в опасности, я просто близок к смерти.

Священники

А вечерня, владыко, а вечерня! Ты не должен
забывать богослужения!

В собор! к вечерне! в собор!

Томас

Спешите туда и помяните меня в своих молитвах.

Пастырь останется здесь, дабы пощадили паству.

Я предоущаю блаженство, предчувствую небеса,
предвкушаю

Я зван - и не собираюсь отлынивать долее.

Пусть все, что свершится,

Будет радостным завершением.

Священники

Держите его! вяжите его! ведите его!

Томас

Руки прочь!

Священники

В собор! и живее!

Уводят его силой. Во время реплики хора декорация меняется.

На сцене внутренние помещения собора. Пока говорит наш хор, другой, в отдалении, поет латинскую молитву "День гнева".

Хор

Немы руки, сухи веки,

Только ужас - большой ужас,

Чем в разодранных кишках.

Только ужас - большой ужас,

Чем в выламыванье пальцев,

Чем в проломленном челе.

Большой, чем шаги у входа,

И чем тень в проеме двери,

И чем ярость пришлецов.

Ада посланцы ненадолго удалились, во человеческом образе, минули, сгнули,

Брызнули заматю праха, забвенные и презренные;

только

Белое блинообразное лицо Смерти, безмолвной

рабы Господней,

И за ним - Лик Смерти на Суде, явленный

Иоанну Богослову.

И за Ликом Смерти на Суде - пустота, неизмеримо

ужасней любого из зримых образов ада;

Пустота, отсутствие, отлучение от Господа;

Ужас не требующего усилий странствия в край
пустоты,
В пустоту без края, в отсутствие, в пустоту,
в полость,
Где некогда живший лишен малейшей возможности
Отвлечься, обмануться, поддаться мечтам,
притвориться,
Где нет для души никаких соблазнов, ибо нет ни
звуков, ни очертаний,
Ни красок, ни объемов, чтобы отвлечь, чтобы
развлечь душу,
Замкнутую на самой себе навсегда, самую собой
питаемую, пустоту пустотою,
Ибо не смерти страшимся, а той несмерти, что
ждет по смерти,
Страшимся, страшимся. Кто же тогда за меня
заступится,
Кто за меня вмешается - когда это будет нужно
сильней всего?
Мертвый на кресте, Иисусе,
Иль твои страдания все
И труды твои зазя?
Прах я, прах - и стану прахом.
Я перед последним крахом.
Смерть уже у алтаря.
В соборе. Томас и священники.
Священники

Дверь на запор. Дверь на запор.

Дверь на запоре.

Мы спасены. Мы спасены.

Они не посмеют.

Они не сумеют. У них не хватит сил.

Мы спасены. Мы спасены.

Томас

Откройте врата! распахните врата!

Я не желаю превращать в крепость

Дом Веры, Церковь Христову, святилище.

Церковь обороняется иначе, по-своему, не камнем

И дубом; камень и дуб коварны;

Камень и дуб - пустое, устои Церкви не в них.

Церковь должна быть открыта, даже врагу.

Откройте врата!

Первый священник

Владыко! ведь это не люди. Ворвутся сюда не как

люди они,

А как буйные звери. Ведь это не люди, святилище

чтущие,

К телу Христову с колен устремленные; это ведь

Буйные звери. Ты б не дал войти во храм

Льву, леопарду, волку и кабанам

Так велик ли срам

Оборониться против зверей в человеческом облике,

против людей,

К зверю себя приравнявшим и вечную душу

сгубившим? Владыко!

Томас

Откройте врата!

Вы думаете, я отчаялся, я сошел с ума.

У этого мира на обоих глазах пелена.

Вы судите по результату, а сущность для вас не
важна.

Вы верите в очевидное. В каждом шаге
и в каждом вздохе

Высчитываете последствия - хороши они или плохи,

Не понимая, что окончательный итог

Зло и добро запутает в единый клубок.

Смерть моя не есть вопрос времени,

Ибо мое решенье превыше времени,

Если вам угодно считать решеньем

То, что преображает меня своим приближеньем.

Я отдаю жизнь

Во имя Завета Господня превыше закона мирского.

Откройте врата! откройте врата!

Нам не должно торжествовать в сражении,

в хитрости, в сопротивлении,

Ни биться со зверем, ни побеждать его. Мы

бились со зверем

И победили его. А нынешняя победа

Только в страданье родится. Такая победа достойней.

Ныне триумф Распятого, ныне

Откройте врата. Я приказываю. **ОТКРОЙТЕ ВРАТА!**

Врата отпирают. Входят рыцари. Они под хмельком.

Священники

Сюда, владыко. Быстро. Наверх. На крышу.

В тайник. Быстро. Пошли. Ведите его.

Рыцари

Томас Бекет, где ты, изменник?

Где, лжесвященник, твоя голова?

Для Даниила готова могила,

Для Даниила в пасти у льва.

Кровью Агнца омыт не ты ли?

И не ты ли в пасти у льва?

Для Даниила готова могила.

Это ли час твоего торжества?

Томас Бекет, где ты, изменник?

Где, искунитель, твоя голова?

Для Даниила готова могила

В пасти у льва. Это ль - час торжества?

Томас

Праведному человеку аки льву рыкающему

Бояться нечего.

Я здесь.

Я не изменник королю. Я служитель

Господа, и Господь мой спаситель.

Кровь Его за меня пролилась.

Кровь моя прольется сейчас.

Церковь наша стоит на крови.

Всегда на крови. Кровь за кровь.

Его кровь спасла мою жизнь.

Моя кровь отмстит Его смерть.

Смерть за смерть.

Первый рыцарь

Сними отлучение с отлученных.

Второй рыцарь

Откажись от прав, незаконно приобретенных.

Третий рыцарь

Верни сокровища, исчисляемые в миллионах.

Первый рыцарь

Покорись обоим помазанникам Божьим,

воссевшим на тронах.

Томас

Во имя Господа мне умереть угодно.

Во имя Церкви, мирной и свободной.

Делайте со мной что хотите,

Но людей моих пощадите.

Не троньте, позорные псы, ни одного.

Именем Господа запрещаю.

Рыцари

Предатель! предатель! предатель!

Томас

Ты, Реджинальд, предатель трижды.

Ты меня предал как мой вассал.

Ты меня предал как мой прихожанин.

Ты предал Господа, осквернив Его Церковь.

Первый рыцарь

Изменнику не должен ничего я,
А то, что должен, заплачу с лихвою!

Томас

Тебе, Владыка Небесный, Тебе, Приснодева,
Тебе, Иоанн Креститель,
Вам, пресвятые апостолы Петр и Павел, Тебе,
великомученик Денис,
Вам, Святые, предаю в руки свою судьбу и судьбу
Церкви.

(Пока совершается убийство, мы слышим хор.)

Хор

Воздух очистим! вычистим небо! вымоем ветер!
камень от камня отнимем и вымоем их.

Гнилостный край, и зацветшие воды, и наша
скотина, и мы перепачканы кровью.

Очи мне ливень кровавый слепит. Где Отчизна?

Где Кентское графство? Где Кентербери?

В прошлом, о, в прошлом, о, в прошлом. В краю
сухих сучьев бреду; где надломишь, там брызнули
кровью; в краю из камней, где тронешь их,
брызнули кровью.

Как я вернусь, хоть когда-нибудь, к тихой погоде
земли?

Ночь, не бросай нас, скрой время, спрячь солнце,
не надо весны, ни рассвета.

Как мне взглянуть ясным днем на привычные
вещи - ведь все перепачкано кровью и крови

завеса пред взором?

Мы не хотели никаких событий.

Мы разумели отдельные крушения,

Личные потери и всеобщие несчастья,

Жили и как бы жили.

Ужас ночи мы прогоняли дневным трудом,

Ужас дня - тяжким сном;

Но болтовня на базаре, ручка метлы,

Вечернее разгребание золы,

Дрова, положенные в очаг на рассвете,

Все это делало наши страдания выносимей.

Каждый ужас можно было назвать по имени,

Каждую печаль довести до определенного конца:

В жизни нет места для слишком долгого горевания.

Но то, что сейчас, - вне жизни, вне времени,

Мгновенная вечность зла и кривды.

Мы в грязи, которую нам не смыть, мы во вшах,

мы со вшами;

Не мы одни осквернены, не дом наш один,

и не город один наш,

Весь мир прогнил.

Воздух очистим! вычистим небо! вымоем ветер!

камень от камня отнимем, и кожу от плоти, и

плоть от кости, и отмоем их. Вымоем камень

и кость, мозг и душу, - отмоем, отмоем,

отмоем.

Рыцари, завершив убийство, выходят на просцениум

и обращаются к публике.

Первый рыцарь

И все же хочется обратить ваше внимание на некоторые сопутствующие обстоятельства. Нам понятия что вы можете отнестись к нашим поступкам известным предубеждением. Вы англичане, и поэтому считаете, что игра должна быть честной. При виде того, как четверо расправляются с одним, вы болеете за того, кто в меньшинстве. Достоянейший образ чувств! он не чужд и мне. Тем не менее хочу воззвать и к вашему чувству чести. Вы англичане, и поэтому не станете судить, не выслушав обе стороны. Ведь именно так сыздавна повелось в нашем суде. Я, правда, недостаточно искушен в таких тонкостях, чтобы самому братья за дело. Я человек поступков, а не слов. Поэтому ограничусь тем, что представлю вам истинных ораторов, которые, каждый в меру своих возможностей и со своей точки зрения, сумеют объяснить вам основные стороны этого крайне сложного вопроса. Первым я приглашаю выступить нашего старейшего рыцаря, моего соседа по графству барона Вильяма де Треси.

Третий рыцарь

Увы, я отнюдь не столь искушенный оратор, как вам могло показаться из слов моего старинного друга Реджинальда Фицеса. Но есть кое-что, о чем мне хотелось бы поведать, а раз так, то почему бы и не поведать. Дело вот в чем: содеянное нами, что бы вы об этом ни думали, не сулило нам совершенно никакой личной выгоды. (Голоса других рыцарей: "Слушайте! слушайте!") Не сулило и не принесло. Нам предстояло потерять куда больше, чем получить. Мы ведь простые англичане, и наша родина для нас важнее всего. Опасаюсь, что впечатление, произведенное нами, не было чересчур благоприятным. И действительно, мы знали, что нам досталась чрезвычайно грязная работенка: не говорю о других, но мне самому пришлось крепко выпить - хотя вообще-то я не пью, - чтобы она оказалась мне по плечу. Честно говоря, убивать архиепископа просто с души воротит, особенно если ты вырос в хорошей христианской семье. Так что если мы показались несколько бесцеремонными, то можно понять почему; я же сам об этом чрезвычайно сожалею. Мы понимали, что таков наш долг, но отдавать его было очень тяжело. И, как я уже отметил, нам-то это не сулило ни единого гроша. Да мы и не ждали. Мы прекрасно знаем, в каком направлении будут развиваться дальнейшие события. Король Генрих - Господи, благослови его - будет вынужден заявить, из соображений государственной пользы, что никогда ни о чем подобном не помышлял и что преступников ждет суровая кара; в лучшем случае, нам предстоит провести остаток дней в изгнании. И даже если все разумные люди задним числом придут к мысли, что архиепископа следовало устранить, - а лично я им всегда восхищался, - то, учитывая, какой замечательный спектакль он устроил в свои последние мгновенья, _нам_ они благодарности не выкажут. Собственно говоря, мы погубили не столько его, сколько себя, в этом можете не сомневаться. Так что, как я уже сказал в самом начале, признайте за нами хотя бы отсутствие малейшей личной заинтересованности. Это, думается, все, что я хотел сказать.

Первый рыцарь

Полагаю, нельзя не согласиться с тем, что Вильям де Треси говорил чрезвычайно убедительно и обрисовал важную сторону дела. Суть его выступления в том, что мы не преследовали никаких личных целей. Но наши поступки нуждаются в более серьезном оправдании, и вы его услышите от последующих ораторов. Позвольте предоставить слово Хью де Морвилю, специально занимавшемуся исследованием вопроса о государственной власти и конституционном праве. Сэр Хью де Морвиль, прошу вас.

Второй рыцарь

Первым делом я хочу обратиться к обстоятельству, прекрасно обозначенному нашим предводителем Реджинальдом Фицесом, - к тому обстоятельству, что вы англичане и поэтому всегда болеете за того, кто оказался в меньшинстве. Таково истинно английское представление о честной игре. На наших глазах в меньшинстве оказался наш достойнейший архиепископ, лучшие качества которого я всегда глубоко ценил. Но так ли все обстояло на самом деле? Я взываю не к вашим эмоциям, но к вашему разуму. Вы люди умные, здравомыслящие, и в ловушку, подстроенную чувствами, вас не заманишь. Поэтому и прошу вас трезво взвесить предположительный ответ на два вопроса: чего хотел архиепископ и чего хотел король. Здесь ключ к проблеме. Король был в своих намерениях чрезвычайно последователен. В царствование покойной королевы Матильды и при незадачливом узурпаторе Стефане центральная власть в королевстве очень ослабела. Король стремился лишь к одному: восстановить ее, ограничить произвол на местах, всегда деспотический и зачастую своекорыстный, и изменить законодательство. Поэтому он решил, что Томас Бекет, успевший зарекомендовать себя чрезвычайно способным администратором (этого никто не собирается отрицать), должен объединить в своих руках власть канцлера и архиепископа. Если бы Бекет покорствовал королевской воле, у нас было бы почти идеальное государство: единение духовной и светской власти при центральном руководстве. Я хорошо знаю Бекета, неоднократно с ним сталкивался по самым различным делам и должен сказать, что никогда не встречал человека, настолько одаренного для службы на высочайших должностях. Но что же произошло? В тот самый день, когда Бекет, по королевскому повелению, стал архиепископом, он сложил с себя обязанности канцлера, он стал святей всех священников, он начал - недвусмысленно и агрессивно - вести аскетический образ жизни, он сразу же заявил, что есть высшая власть, нежели королевская, которую сам же на протяжении стольких лет и в борьбе со столь многими упрочивал. Он объявил, наконец, - Бог знает почему - эти две власти несовместимыми... Согласитесь, что подобные высказывания со стороны архиепископа будят в народе, вроде нашего, нездоровые настроения. По крайней мере, в этом и до сих пор вы со мной согласны, я читаю это на ваших лицах. И только средства, к которым нам пришлось прибегнуть на пути к праведной цели, вам претят. Никто не может сожалеть о необходимости прибегнуть к насилию сильнее, чем мы. К несчастью, бывают эпохи, когда насилие становится единственным способом для осуществления общественной справедливости. В другую эпоху вы можете низложить неугодного архиепископа парламентским голосованием и казнить его как изменника с соблюдением процедуры - и никому не придется мириться с тем, что его начнут называть убийцей. А в грядущем и такие, весьма умеренные, средства могут оказаться излишними. Но если вы теперь пришли к простому подчинению потребностей церкви интересам государства, то не забывайте, что именно мы сделали в этом направлении первый шаг. Мы послужили орудием при создании государства, которое вас в принципе устраивает. Мы служили вашим интересам и заслужили ваши рукоплескания, и если на нас лежит какая бы то ни было вина, то вы делите ее с нами.

Первый рыцарь

Над словами Морвиля стоит призадуматься. Он, как мне кажется, сказал едва ли не все, что необходимо, для тех, кто был в силах следить за его изысканными рассуждениями. Но, так или иначе, у нас остался еще один оратор, и его точка зрения, думаю, отличается от уже изложенных. Если кто-то из присутствующих еще не убедился в нашей правоте, то, полагаю, Ричард Брито, отпрыск рода, прославленного своей верностью церкви, сумеет убедить и его? Прошу вас, сэра.

Четвертый рыцарь

Предшествующие ораторы, не говоря уже о нашем предводителе Реджинальде Фицесе, сказали немало, верно. Мне нечего добавить к их последовательным рассуждениям. То, что я собираюсь сказать, можно выразить в форме вопроса: кто же убил архиепископа? Будучи свидетелями этого прискорбного происшествия, вы, вероятно, усомнитесь в правомерности такой постановки вопроса. Но вдумайтесь в ход событий. Я вынужден, весьма ненадолго, пойти по стопам предыдущего оратора. Когда покойный архиепископ был канцлером, он с непревзойденным умением управлял страной, вносил в нее единство, стабильность, порядок, уравновешенность и справедливость, в которых она так сильно нуждалась. Но как только он стал архиепископом, его поступки приняли прямо противоположный характер: он проявил полнейшее безразличие к судьбам страны и, честно говоря, чудовищный эгоизм. Этот эгоизм все усиливался и стал, вне всякого сомнения, буквально маниакальным. У меня есть неоспоримые свидетельства тому, что, еще не покинув Францию, он заявил во всеуслышание, дескать, жить ему осталось недолго и в Англии его убьют. Он пускался на всяческие провокации; из всего его поведения, шаг за шагом, можно сделать только один вывод: он стремился к мученической смерти. Даже в самом конце он не внял голосу разума - вспомните только, как он уклонялся от ответов на наши вопросы. И уже выведя нас из всяческого человеческого терпения, он все еще мог легко ускользнуть: спрятаться и переждать, пока наш правый гнев не поыветрится. Но не на такой поворот событий он рассчитывал: он настоял, чтобы перед нами, еще охваченными неистовством, раскрыли ворота собора. Надо ли продолжать? С такими уликами на руках вы, я думаю, вынесете единственно возможный вердикт: самоубийство в состоянии помешательства. В таком приговоре будет только милосердие по отношению к человеку, так или иначе истинно великому.

Первый рыцарь

Спасибо, Брито. Полагаю, что сказанного достаточно. Вам теперь надлежит тихо разойтись по домам. Пожалуйста, не скапливайтесь группами на перекрестках и не совершайте ничего, что могло бы привести к общественным беспорядкам.

Рыцари уходят.

Первый священник

Отец, отец, от нас ушедший, нас покинувший,

Как мы тебя обрящем? с высоты какой

Взор долу обратишь? На небесах еси,

А кто направит нас, поправит нас, кто будет

править нами?

Какой тропой - и сквозь какую пагубу

К тебе придем? Когда осуществится

Могущество твое? Ведь Церковь наша

Осквернена, поругана, заброшена,

Язычники к развалинам грядут

Построить мир без Бога. Вижу! Вижу!

Третий священник

Нет. Ибо Церковь крепче в испытаниях,

Могущественней в горе. Все гонения

Как укрепления: покуда есть бойцы,

Готовые погибнуть. Уходите,

Заблудшие и слабые, бездомные

На небе и земле. На западный край Англии,

А то и к Геркулесовым столпам,

На скорбный берег кораблекрушенья,

Где мавры попирают христиан,

Идите - или к северному морю,

Где стужа сводит руки и низводит в тупость ум;

Прибежища в оазисах ищите,

Союза - с сарацинами, деля

Их грязные обычаи, взыскуя

Забвения в сералях южных нег,

Отдохновения в тени фонтана;

А то - кусайте локти в Аквитании.

В кольце свинцовом боли голова,

Баюкая одну и ту же муку,

Заищет оправдания поступкам

И пряжу иллюзорности спрядет

И та распутится в геенне мнимой веры,

Какая и неверия страшней.

То жребий ваш - и прочь отсюда.

Первый священник

Отче,

Чей новый славный сан еще неведом нам,

Молись за нас.

Второй священник

В Господнем соприсутствии,

В кругу святых и мучеников, вознесенных ранее,

Не забывай нас.

Третий священник

Возблагодарим

Спасителя за нового святого.

Хор

(пока на заднем плане другой хор поет по-латыни

"Те Деум")

Слава Тебе, Господи, славу Свою всему земному

ниспосылающий

Снегу, дождю, буре, вихрю, всем тварям земным,

и ловцам, и ловимым.

Ибо все сущее есть лишь во взоре Твоем, только

в знанье Твоем, только в свете Твоем

Сущее есть; даже тем, кто отверг Тебя, явлена

Слава Твоя, тьма являет собой Славу Свету.

Те, кто Тебя отвергает. Тебя отвергать не смогли

бы, когда б Тебя не было, и отрицание

несовершенно, поскольку,

Будь совершенным оно, их бы не было вовсе самих.

Не отвергают, а славят Тебя они, ибо живут;

все живое Тебя утверждает и славит; и птицы

небесные, ястреб и зяблик, и твари земные,
ягненок и волк, червь, ползущий в земле,
червь, грызущий во чреве.

И посему тот, кому Ты явился открыто, - открыто
и славит Тебя: в своих мыслях, словах и поступках.

Даже с рукой на метле, со спиною, согнувшейся
при разведенье огня, и с ногами, истертыми при
разгребанье золы, мы, прачки, уборщицы,
посудомойки,

Мы, со спиною, под ношей согнувшейся,
и с ногами, истертыми грехом, с рукою, закрыв
шею очи от страха, с главою, поникшею в горе,
Славим Тебя, даже в харканье зим, и в напевах
весны, и в жужжании лета, и в разноголосице
птиц и животных.

Славим Тебя за Твое милосердье кровавое,
за искупление кровью. Ибо пролившейся кровью
святых

Почва напитана - так возникают святыни.

Ибо где б ни был святой, где бы мученик кровь
свою крови Христовой ни пролил в ответ,

Почва святою становится - и не исчезнет
святилище,

Пусть его топчут чужие солдаты, пусть, вчуже
любуюсь, сверяются с картой туристы;

Всюду на свете, оттуда, где западный вал гложет
бреги Ионы,

Вплоть до тех мест, где ждет гибель в пустыне,
молитва в забытых углах развалившихся за ночь
империй,

Почва такая родит во спасенье земному родник
и ему не иссякнуть вовеки,

Хоть он отвергнут навеки. Мы благодарим Тебя,
Боже,

Ибо отныне Ты Кентербери освятил.

Прости нас, Господи, ибо мы люди простые.

Мы запираем дверь и садимся у очага.

Мы страшимся благословения Божьего, одиночества

Божьей ночи, поражения неизбежного и лишений
сопутствующих;

Мы страшимся несправедливости человеческой
менее, чем справедливости Божьей,

Мы страшимся руки у окна, и огня в яслях,

и драчуна в трактире, и толчка в яму

Менее, чем страшимся Любви Господней.

Ведомы нам прегрешения наши, и слабость наша,

и вина наша, о, нам ведом

Грех мира на главах наших, кровь всех мучеников
и святых

На главах наших.

Господи, помилуй нас.

Иисусе, помилуй нас.

Господи, помилуй нас.

Святой Томас, помолись за нас.

(1935)

Примечания

УБИЙСТВО В СОБОРЕ. Одна из стихотворных драм Элиота и единственная среди них трагедия, написанная в 1935 г. В основе трагедии - подлинные исторические события: борьба и смерть Архиепископа Кентерберийского Св. Томаса Бекета (1118-1170), стремившегося поднять духовный авторитет Церкви и ограничить своеволие короля Генриха II (по приказу которого он и был убит), и произвол баронов. "То правит король, то бароны" - ситуация иронически предвосхищает нынешнюю российскую, когда центральная власть не знает, как управиться с избранными губернаторами. В текст трагедии включена подлинная проповедь Св. Томаса. Диалектика "четырех искусителей" проходит лейтмотивом сквозь все творчество Элиота - от ранних антиклерикальных сатир до поздних поэтических и эссеистических сомнений католических поэтических и эссеистических сомнений католического стихотворца, каким он стал или, по меньшей мере, стремился стать.

В данных комментариях частично использованы примечания из предыдущих русских изданий Элиота, а также неизданный комментарий одного из переводчиков. Подстрочные примечания к переводам А. Сергеева выполнены В. Муравьевым.

Переиздание переводов произведено по книгам:

1. Элиот Т. С. Избранная поэзия / СПб.: "Северо-Запад", 1994.
2. Элиот Т. С. Камень / "Христианская Россия", 1997.
3. Строфы века-2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века / Сост. Е. В. Витковский. М.: "Полифакт. Итоги века", 1998.
4. Элиот Т. С. Убийство в соборе / СПб.: "Азбука", 1999.

В. Топоров